

Денис Сүбботин

ОГНЕННЫЙ ПОЖАР

Скленный мостик 2015

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

© Денис Субботин 2015

© Skleněný můstek s.r.o. 2015

ISBN 978-80-87940-58-7

Содержание

Пролог

Глава 1 «Великое Посольство»

1. Князь Лютень. Заимка Бер-лоно.
Седьмой день месяца Липеца.
2. Сотник Ярослав. Холмград.
Седьмой день месяца Липеца.
3. Ярослав и Тилла. Холмградская гавань.
Седьмой день месяца Липеца.
4. Радан, посол Император Теодора. Гостиный Двор Холмграда.
Седьмой день Липеца.
5. Лютень и Радан. Княжеское подворье Холмграда.
Раннее утро восьмого дня Липеца.
6. Холмград. Княжеский собор.
Девятый день Липеца.
7. Холмград. Княжеский собор.
Девятый день Липеца.

Глава 2 «Выступление рати»

1. Ярослав и Умила. Княжеский кром Холмграда.
Двадцать третий день Липеца. Утро.
2. Холмградская гавань.
23 день Липеца. День.
3. Ярослав и Тилла. Латырского море.
Борт струга «Шатун», 23 день Липеца. Вечер.
4. Лютень и Добробог.
Борт княжеского струга «Лебедь». 23 день Липеца. Ночь.
5. Ярослав и Тилла.
Борт струга «Шатун». Рассвет 24 дня месяца Липеца.
6. Радовой, Ярослав и Тилла.
Борт струга «Шатун». Утро 24 дня месяца Липеца.
7. Тилла и Руцкарь.
Борт струга «Шатун». 24 день месяца Липеца.

Глава 3 «Война в начале»

1. Император Теодор. Лагерь имперского войска под замком Грейд.
7 день месяца Серпента (по гардарскому месяцеисчислению).
2. Князья Лютень и Буйслав. Гардарский летучий отряд.
Вечер 7 дня месяца Серпента.
3. Лагерь Императорской армии около замка Грейд.
Вечер 7 дня месяца Серпента.
4. Лагерь гардарского войска. Совет князей.
Рассвет 8 дня месяца Серпента.
5. Ярослав и Яробуй. Лагерь гардарского войска.
8 день месяца Серпента.
6. Князь Лютень. Лагерь торингского войска.
9 день месяца Серпента.
7. Князь Лютень и Ярослав. Близ гардарского лагеря.
9 день месяца Серпента.
8. Император Теодор и герцог Артур. Императорский шатёр.
9 день месяца Серпента.

Глава 4 «Первая битва»

1. Граница Фронтира и Ассании. Гардарское войско.
22 день месяца Серпента.
2. Граница Фронтира и Ассании. Сотня Ярослава в дозоре.
Раннее утро 23 дня Серпента.
3. Ярослав. Лес близ торингской деревни Торонтон.
Утро 23 дня месяца Серпента.
4. Ромуальд и Герта. Деревня Торонтон.
23 день месяца Серпента.
5. Ярослав. Деревня Торонтон.
23 день месяца Серпента.
6. Ярослав и его сотня. Торонтон.
23 день месяца Серпента.
7. Ярослав и Ромуальд. Рыжие Камни.
Вечер 23 дня месяца Серпента.
8. Ярослав и Тилла. Близ Торонтона.
Поздний вечер 23 дня месяца Серпента.

9. Князь Лютень и Ярослав. Торонтон.
Ночь на 24 месяца Серпеня.

Глава 5 «Ярославова застава»

1. Князь Лютень. В пяти верстах к полуночи от Сальма.
28 день месяца Серпеня.
2. Ярослав. Тысяча Ивещя. Сражение у Сальма.
28 день месяца Серпеня.
3. Князь Лютень и Ярослав. Поле недалеко от Сальма.
28 день месяца Серпеня.
4. Ярослав и Берсень. Дружина заслона. 12 вёрст к полуночи от Сальма.
Ночь на 29 день месяца Серпеня.
5. Сотник Берсень. Базиликанская интеркиза.
Ночь на 29 число месяца Серпеня.
6. Сотник Ярослав. Там же.
Ранний рассвет 29 числа месяца Серпеня.
7. Ярослав и Берсень. Дорога через Фронтирскую Пущу.
29 день месяца Серпеня.
8. Князь Лютень и Тилла. Лес возле Рыжих Камней.
29 день месяца Серпеня.
9. Ярослав. Лесная дорога близ Рыжих Камней.
29 день месяца Серпеня.
10. Князь Лютень. Дорога возле Рыжих Камней.
29 день месяца Серпеня.

Глава 6 «Сальм»

1. Князь Лютень и сотник Ярослав. Под стенами Сальма.
5 день месяца Вересеня.
- 2.
3. Родянские князья и граф Радан. Шатёр князя Буйслава.
Ночь на 6 день месяца Вересеня.
4. Князь Лютень. Штурм Северной стены Сальма.
Раннее утро 6 дня месяца Вересеня.
5. Сотник Ярослав и Яробуй. Северная Стена Сальма.
Утро 6 дня месяца Вересеня.

6. Ярослав и Яробуй. Около Северной стены.
Утро 6 дня месяца Вересеня. Штурм Сальма.

7. Тролль.

8. Ярослав. Башня магов и окрестности. Близ Северной стены.
6 день месяца Вересеня.

9. Стратиг Роман Гардус. Замок Сальма.
6 день месяца Вересеня.

10. Лютень и Буйслав. Посольство базиликанцев. Сальм.
6 день месяца Вересеня.

11. Стратиг Роман Гардус. Замок Сальма.
Поздний вечер 6 дня месяца Вересеня.

12. Ярослав. Базиликанский прорыв. Замок Сальма.
Ночь на 7 месяца Вересеня.

Глава 7 «Перевал Грома»

1. Император Теодор и маги. Лагерь близ Тангари.
20 день месяца Вересеня (по гардарскому месяцеисчислению).

2. Князь Лютень и Ярослав. Малый Кирифор.
21 день месяца Вересеня.

3. Ярослав и Рудослав.
Лагерь родянского войска под стенами Малого Кирифора.
Вечер 21 дня месяца Вересеня.

4. Ярослав. Горы на восходе от Малого Кирифора. Дружина охотников.
Рассвет 22 дня месяца Вересеня.

5.

6. Рудослав и Ярослав. Ущелье сразу за Малым Кирифором.
Ночь и раннее утро 23 дня месяца Вересеня.

7. Ярослав. перелесок в версте от Малого Кирифора. Дорога к перевалу.
Утро 23 дня месяца Вересеня.

8. Трибун Вениаминус Рудус. Малый Кирифор. Приступ.
23 день месяца Вересеня.

9. Ярослав. перевал Грома.
23 день месяца Вересеня.

10.

11.

12. Князь Лютедь. Дорога на перевал Грома.
23 день месяца Вересеня.

Глава 8 «Столковение»

1. Сотник Ярослав. Муниципий Медиалина близ Дарии.
12 день месяца Бокогрея.

2. Князь Лютедь. Медиалина и окрестности.
12 день месяца Бокогрея.

3. Лютедь и Буйслав. Поле возле снежной крепости.
12 день месяца Бокогрея.

4. Сотники Ярослав и Трегуб. Дорога на Дарию.
Утро 13 дня месяца Бокогрея.

5. Ярослав и Брех. Острог на север от Дарии.
13 день месяца Бокогрея.

6. Ярослав и Трегуб. Подле острога Бреха.
Утро 14 дня месяца Бокогрея.

7. Ярослав и Трегуб. Дорога на Дарию.
14 день месяца Бокогрея.

8.

9. Сотник Трегуб. Дорога на Дарию.
14 день месяца Бокогрея.

10. Ярослав и Трегуб. Поляна возле лесной дороги.
Вечер 14 дня месяца Бокогрея.

11. Ярослав и Брех. Острог Бреха.
Вечер 14 дня месяца Бокогрея.

12.

13. Ярослав и Ждан. Дорога на Медиалину.
Рассвет 15 дня месяца Бокогрея.

14. Ждан и Добруша.

15. Ярослав. Острог Бреха.
15 день месяца Бокогрея.

16.

Глава 9 «Битва при Дарии»

1. Стратиг Фобос. Города Дария.
22 день месяца Бокогрея.
2. Лютень и Буйслав. Лес подле Дарии.
22 день месяца Бокогрея.
3. Лютень, Буйслав и декурион Витий.
22 день месяца Бокогрея.
4. Стратиг Фобий Луциан. Дария.
23 день месяца Бокогрея (по гардарскому месяцеисчислению).
- 5.
6. Ярослав. Дорога в двенадцати верстах от Дарии.
23 день месяца Бокогрея.
7. Князь Лютень и Ярослав.
23 день месяца Бокогрея.
8. Ярослав и Медведко. Перед воротами Дарии.
Вечер 23 дня месяца Бокогрея.
9. Ярослав и Тилла. Лес под стенами Дарии.
Вечер 23 дня месяца Бокогрея.
10. Князь Лютень и Буйслав. Княжеский шатёр.
Ночь на 24 день месяца Бокогрея.
11. Стратиг Фобий Луциан. Замок Дарии.
Ночь на 24 месяца Бокогрея (по гардарскому месяцеисчислению).
12. Ярослав. Дария.
Рассвет 25 дня месяца Бокогрея.
13. Князь Лютень. Золотые ворота Дарии.
25 день месяца Бокогрея.
14. Ярослав. Дария. Форум Ястреба.
25 день месяца Бокогрея.
15. Трибун Либерик и севаста Лария. Центральная часть Дарии.
Середина 25 дня месяца Бокогрея.
- 16.
17. Стратиг Фобий и его жена. Дария.
25 день месяца Бокогрея.
18. Сотник Ярослав. Дария.
Вечер 25 дня месяца Бокогрея.

Глава 10 «Обоз»

1. Князь Лютень и воевода Радовой. Граница Золотого Диоцеца.
Лагерь гардарского войска.
12 день месяца Березозола.

2. Князь Лютень и князь Буйслав. Княжеский совет в шатре Лютеня.
Вечер 12 дня месяца Березозола.

3. Лютень, Радовой и граф Стан. Лагерь гардарского войска.
Вечер 12 дня месяца Бокогрея.

4. Яробуй. Обоз, дорога на Кирифор.
Утро 13 дня месяца Березозола.

5. Тархан Илепша и Яробуй. Дорога на Кирифор.
Утро 13 дня месяца Березозола.

6.

7. Воевода Тихослав.
Дарийская дорога, несколько вёрст от лагеря гардарского войска.
13 день месяца Березозола.

8. Тархан Илепша. Дарийская дорога.
13 день месяца Березозола.

9. Тихослав и Рудослав. Дарийская дорога.
13 день месяца Березозола.

10. Лютень и Буйслав. Лагерь гардарского войска.
Ближе к вечеру 13 дня месяца Березозола.

11. Тархан Илепша, трибун Аникий Гай Терез.
Форт «Шип Розы», берег Срединного моря.
Раннее утро 15 дня месяца Березозола (по гардарскому месяцеисчислению).

12. Ярослав, Тилла, Первак. Лагерь под стенами форта «Шип Розы».
Утро 15 дня месяца Березозола.

13. Княжеская дума. Шатёр Лютеня.
Лагерь под стенами форта «Шип Розы».
Утро 15 дня месяца Березозола.

14. Штурм.

15. Неслаб и Ярослав.
15 день месяца Березозола.

Глава 11 «Правда Теодора»

1. Император Теодор. Замок подеста Тангари.
Раннее утро 3 дня месяца Цветения (по гардарскому месяцеисчислению).
2. Василик Герий Мар Сильвий. Замок Тангари.
Вечер 3 дня месяца Цветения (по гардарскому месяце исчисления).
3. Император и василик. Замок Тангари.
Вечер 3 дня месяца Цветения.
4. Император Теодор. Окраина Тангари.
Ночь 3 дня месяца Цветения.
5. Граф Гарм Ловезский, берег Тивраны.
4 день месяца Цветения.
6. Император Теодор и граф Гарм.
Вечер 5 дня месяца Цветения.
7. Лютень и Волод. Лагерь гардарского войска на берегу Тивраны.
6 день месяца Цветения.
8. Август Филипп Красивый. Миллениум.

Глава 12 «Огненный дождь»

1. Прелюдия.
2. Ярослав. Поле битвы.
10 день месяца Червеня.
3. Князь Лютень. Тот же день.
4. Ярослав и Ярослав.
Ночь на 11 день месяца Червеня.
5. Князь Лютень.
11 день месяца Червеня.
6. Ярослав. То же время.
7. Сотник Брех. Берег Тивраны – правое крыло гардарского войска.
Чуть раньше.
8. Князь Лютень. «Чело».
То же время.
9. Князь Лютень и Ярослав. Конная рать.
Ближе к вечеру.

10. Лютень и Буйслав.

11. Ярослав.

12. Август Филипп.

В то же время.

13. Ярослав. Вечер. Серебряный холм (близ ставки князя Лютеня).

14. Князь Лютень.

15. Ярослав.

16. Ярослав.

17. Август Филипп Красивый. Миллениум.

12 день месяца Червня (по гардарскому месяцеисчислению).

18. Ярослав и Руцкаръ.

Вечер 12 дня Червня.

Заключение

Эпилог

*Были годы, и в полях колосилась пшеница, и стада полны были тучного скота.
И в городах строили храмы с золотыми куполами,
Были годы, и поэты слагали оды о любви, а подвигом считалось завоевать сердце
Непокорной красавицы.
И рождалось в такие годы больше мальчиков.
А потом мальчики выросли. И мечтали о подвигах иных.
И поля вытаптывала героическая пехота,
и стены прекрасных храмов охватывал огонь
А поэтам приходилось брать в руки мечи и они погибали.
И подвигом считалось не полюбить – убить.
А с небес начинал идти ОГНЕННЫЙ ДОЖДЬ.*

Пролог

Это был разгром. Полный и окончательный разгром. А ведь казалось... Сам император Теодор Второй возглавил войско. Впервые рядом с боевыми легионами, поредевшими и потерявшими тот знаменитый торингский боевой дух, встали «природные». Гвардия императора, составленная из обедневших нобилей, славная своими жесточайшими понятиями чести и долга... Она и сейчас держалась лучше других. «Серебряный» легион, должный вообще-то служить охраной не родившемуся ещё наследнику, зацепился за Груды Вилланки – два больших, пологих склона на вершинах которых какой-то шутник, бог или человек, водрузил два одинаковых, круглых камня. Вот и вышли – Груды... Зацепившись за эти Груды, легион давно уже не достигавший своей обычной численности – шестидесяти одной сотни воинов, сражался уже три полных вигилии. И как сражался! Их совсем мало осталось там – живых и способных держать в руках оружие, вагенбург переполнен был ранеными... По колено в своей и чужой крови, оскальзываясь на горах трупов, они стояли. Их не сбила бешеная атака трёх базиликанских арифм. Их не выжгла проклятая магия, и решившая, по сути, исход всей битвы... Но Теодор, пусть и молод был, кое-что понимал в военном деле. Понимал и то, что, несмотря на всё мужество и мастерство «Серебряных» и тех немногих отрядов регулярных войск и вилланского ополчения, что ещё сражались, единственное, что он может – воспользоваться этим мужеством, как прикрытием для отступления. Слева, в двух милях отсюда – Сальм, большой и красивый торговый город с высокими и крепкими стенами. Его город. Справа – густой и непроходимый лес, разумеется – Тёмный. Через него идёт дорога на Торгард... Его столицу.

Можно запреться в Сальме и надеяться на чудо или попытаться в третий раз за год заключить с базиликанцами перемирие. Всё равно – будет нарушено. Можно попробовать отступить на Торгард, там в пятый раз собрать войско... Вот только костяка для него больше нет. Костяк – гвардия, а также кадровые – «Чёрные» и «Белые» легионы и рыцарские копы полегли в битвах за Фронтир и здесь, под Сальмом. Из всего войска остались у него один гвардейский легион – «Золотой», он же личная гвардия императора, да тысяча гардарских дружинников жены,

урождённой княжны рода Медведя. И двенадцать тысяч виллан Данарии и Фронтира, пришедших перед боем, толком не вооружённых и даже не умевших пользоваться тем немногим оружием, что всё же имелось в их распоряжении. Пришлось вновь разбавлять кадровые части, ставить хотя бы на сотни и тысячи проверенных воинов из «чёрных»... Два гвардейских легиона не тронутыми остались и один из них, «Серебряных», он разменял на эти вот две вигилии размышления.

Ничто не бывает вечным, и оборона рухнула. Последняя «чёрная» корунела, ещё держащая строй, героическая «чёрная» из Пятого Ассанского легиона, когда-то оборонившего Торгард от нашествия норлингов, сломала строй и бросилась бежать. Их не в чем было упрекнуть. Под градом огненных стрел они простояли почти час. Но «Серебряные» остались совсем одни и тут же были атакованы с трёх сторон. Там уже истребление началось, честный же бой закончился.

Теодор, не скрывая тревоги, обернулся на вагенбург. Сейчас, именно сейчас надо было уходить, но – никак. Не время, так уж сложилось. Его жена, императрица Ольха находившаяся на восьмом месяце беременности, увязалась за ним на битву и вот ведь неудача, вознамерилась рожать. Рождение императорского наследника, – процедура полная своих условностей и традиций, происходила вот так – в чистом поле, на грязных шкурах... Кошмар для привыкших к иному вельмож!

– Что там? – впервые за час, наверное, разомкнул император уста.

Новый гонец, шестой за это время, бледный и восторженный, звонко доложил:

– Мальчик, Ваше Императорское Величество! Сын!

– Наследник, – император даже в свой чёрный час не мог скрыть той гордости, которую испытывает любой мужчина, обретя наконец наследника. – Здоров?

– Сразу заорал, – подтвердил гонец. – Сильный и крепкий мальчик!

Император кивнул, потом повернулся к двум коннетаблям, ещё живым, но уже бесполезным – войска для них не оставалось. Ну а раз нечем было командовать, оставалось вот так, терпеливо стоять подле владыки, ожидая его последнюю для них, так виделось, волю.

– Трубить отход, – отдал император давно ожидаемый приказ. – Гонца к «Серебряным», держаться до конца! Отход будет прикрывать...

Он замер, задумавшись, и никто не осмелился ему напомнить, что время вытекает быстрее, чем вода из решета. Решение – приговор, единственно возможный. Осталось лишь два отряда, способных прикрыть отход, сохранивших строй, порядок и командиров: последняя стоящая часть торингской армии, «Золотые» гвардейцы и двенадцатитысячный отряд ополчения. Понятно ведь, кого менее жалко?

На то и император, чтобы мыслить иначе.

– Отход будет прикрывать гвардия! – на миг прижмурившись, сказал император, повернувшись к бывшему коннетаблю Центральной армии, здесь polegшей, герцогу и родному брату Альфреду Могучему. – Альфред, ты возглавишь их!

Герцог, обликом напоминавший медведя, по характеру же весьма спокойный человек, лишь замедленно кивнул, ещё соображая, похоже.

– Береги людей и слишком не задерживайся, – продолжил император. – Мне нужен мой легион. Хотя бы сколько-то его воинов!

– Мы победим и вернёмся к тебе, – заверил тот, прекрасно сознавая, что лишь говорит «историческую фразу» для летописцев, на деле направляясь на смерть.

– Мой император! – возмущённо вскричал кто-то из нобилей, осмыслив наконец произошедшее. – Мы потеряем остатки армии!

– Но не честь! – резко возразил император. – Я не желаю посылать свой народ на убой. А у гвардии... у неё будет шанс.

Красивые слова... обрёкшие на смерть цвет армии и нобилитета.

– Постой, государь Теодор, – внезапно встрял в разговор воевода Лихосвет, командир той самой тысячи гардар. – Есть иной выход. Мои хлопцы застоялись здесь, за вашими спинами!

– Нет! – резко возразил Теодор. – Вы – последняя у меня тяжёлая конница. И вас всего-то тысяча. Вы не сможете их остановить, и ничего не ждёт вас там, кроме смерти.

– Все когда-нибудь умрём. Боги смотрят на нас из Вирия и видят, кто как проходит свой путь, – пожал плечами Лихосвет. – Мы пойдём, государь! Так лучше будет... Оно и бесчестно, всё за спинами отстаиваться.

Упрямец, даром что ли из Медведей, он прямо и открыто смотрел в лицо Теодору. И тот сломался вдруг:

– Хорошо... Иди, воевода. Быть может, так оно и верно, будет лучше.

Лихосвету больше нечего было делать здесь, среди живых. Его серый конь, огромный владенской жеребец лёгкой грунью спустился с холма и уже вскоре земля содрогнулась от удара тысяч копыт. Не спутаешь, коль раз чуял. И – богатырский рёв «Слава!», вырвавшийся из тысячи глоток. Не спутаешь, коль раз слышал. И – свист сотен стрел, затмивших небо в своём коротком полёте в базиликанский строй... Не спутаешь, коль раз видел. Дружинная конница гардар пошла в последнюю свою атаку.

– Отходим, – Теодор вмиг осип. – Бросайте всё, без чего обойдёмся. Быстрее! Их жертва не должна быть напрасной...

Это происходило в седьмой день месяца Лугов. И месяца с той поры не прошло – посольство императора начало свой путь в Холмград, к гардарским князьям. Император Теодор Второй преломил всё же свою гордость.

Глава 1 «Великое Посольство»

1. Князь Лютень. Займка Бер-лоно. Седьмой день месяца Липеца.

Правнук князя Грома, нынешний правитель многолюдного рода Медведя, князь Лютень был молод и хорош собой. Редкая чернавка или боярышня из вятих не заглядывалась на него. Увы им, Лютень был счастлив в браке и не обращал внимания ни на кого. Хоть и мог он себе позволить меньшицу взять и даже всех трёх положенных, жена у него по сию пору была одна – Любава. Красавица и умница, не потерявшая своей привлекательности и после рождения сына.

Сейчас князь занимался тем, что иным казалось более достойным смерда или даже челядина, холопа. Он рубил дрова. Рубил в охотку, хекая и со всего маха опуская тяжёлый колун-тупицу на берёзовые и осиновые чушки, одним ударом половинил их, потом делил на четверти... Слева заметно уменьшался костёр из не расколотых чушек, которые поспешно подавал Ратша, княжий меченоша. Справа Мирон, княжий стремянный, складывал поленицу. Оба, бедняги, запыхались и проголодались – Коло едва поднялось над горизонтом и теперь медленно преодолевало первую четверть своего дневного пути, так что даже посподать поутру не удалось...

– Княже! – наконец взмолился Мирон, который хоть и был куда крупнее Ратши и выглядел старше семнадцати вёсен, уставал всегда быстрее. Добавлять, впрочем, ничего не посмел. Засмеют, если признается, что голоден как стая волков, или нет, лучше как прашур-бер!

Князь, насмешливо покосившись на него из-под длинной пряди, упавшей на лицо, ухмыльнулся и жестом велел Ратше подавать следующую чушку. Колун тупо врезался в вязь берёзы... и застрял, впервые за всё утро не сумев пересилить сучок.

– И правда – хватит, – тяжело дыша, сказал князь. – Мирон, иди к Сувору. Пусть велит собирать стол.

Мирон, обрадованный и потому – скорый на ногу, умчался немедля. Ратша немедленно прицепился к князю, чтобы тот дал ему немного поколоть...

Посмеиваясь, тот дал... Личный колун Лютень весил почти полпуда и для мальчишка был неподъёмен. На что уж Ратша старался, а всё равно поднятый над головой отрока колун потянул его назад и мальчишка грохнулся бы, если б не князь. Тот успел и Ратшу подхватить, и колун – у самой земли.

– Прости, княже, – севшим голосом прошептал опозоренный меченоша.

Князь, ласково улыбнувшись, потрепал мальчика по единственному хохолку волос на голове – непривычного для родянина чёрного цвета. Впрочем, номадская кровь матери меченоши выделяла его и карим цветом глаз, и более смуглой, нежели у остальных мальчишек кожей. И вот этой кровной привязанностью к князю! Горяч был мальчишка, хрупок для своего возраста... А лучше него меченоши было не сыскать. Лютень и не искал, спокойный за следующие три года. Потом настанет пора опоясывать юнца настоящим, турьей кожи поясом. И жаль бы рас-

ставаться, а пора отрочества канет в лету окончательно. И не удержишь. Не по Правде.

Затуманенный думой взгляд князя вдруг прояснился, он широко, от всей души улыбнулся и, шагнув вперёд, широко распахнул руки. Обернувшийся Ратша увидел, как у ворот спешивается десяток дружинников а уже во дворе двое челядинов ведут к коновязи огненно-рыжую номадерскую кобылку. Молнию княжны Умилы.

– Умила! – громогласно позвал сестру князь. – Куда ездила спозаранку? Уж не в Холмград?

Дружинники засмеялись – кто в голос, кто тихонько, больше про себя, красавица – нежная и хрупкая внешне Умила порозовела ликом.

– Тебе бы всё шутить, братец, – даже голос её больше походил на звон серебряного колокольчика а когда шла – казалось что летит по воздуху, порхает бабочкой. – До Холмграда почитай сорок вёрст. Это только ты на своём Снеге одолеть сможешь! Да и что я там забыла?

– Ну, тебя по крайней мере там не забывают! – рассмеялся Лютень, никогда не упускавший случая поддеть любимую сестрёнку. – Некоторые...

Упоминание про сотника княжеской тысячи Ярослава, лихого молодца, давно присохшего сердцем к княжне, заставило Умилу покраснеть ещё больше. Хотя казалось – больше некуда.

– Полно тебе, братец, – ласковым голосом, в котором, впрочем, проскользнули булатные нотки, сказала княжна. И так взглянула изумрудными глазами в глаза брату, что тот и впрямь смутился. И чего это он с утра...

Спасительно прозвучал тихий, сипловатый голос Сувора:

– Княже, стол накрыт!

Лютень всегда испытывал стеснение, глядя на своего ближнего человека. Вот и сейчас, шагнул к терему, пряча взгляд. Сувор лишь тихонько вздохнул. Что ж поделаешь, если он – укор безумной храбрости молодого князя? Его волей сотня Сувора пошла вперёд по неразведанной лошине. Значит, по его вине Сувор, сражавшийся в заслоне, потерял левую руку по локоть и украсил свой резкий профиль уродливым шрамом от норлингского меча...

– Сувор! – уже взбежав на крыльцо, обернулся вдруг князь. – Пойдём, поспоем вместе. Ты мне нужен!

Пересилил себя, молодец...

Вообще-то приглашение за княжеский стол, испокон веку – награда и поощрение. Но Сувора эта награда не порадовала. Князь давил в себе свою нелюбовь к дворскому – понятно, князю честь делает, да самому дворскому не слишком приятно...

А стол был накрыт так, как любил поутру Лютень – совсем немного еды, всё больше огурчики да капуста. Ни капли вина или пива – квас да морс. И так – всегда. Князь предпочитал проводить день на свежую голову.

Сувор сначала замер за левым плечом князя – на своём обычном, когда не было Думы, месте. Лютень резко обернулся и так глянул, что дворскому этим взглядом унесло. И принесло на скамью подле князя. И пока Сувор не сел, князь

за еду, скромную не по-княжески, не принял.

– Княже, – начал было Сувор, но теперь Лютень был занят едой, ел с молодым аппетитом, который буквально переполнял его и прерывать его трапезу не стоило. Пришлось ждать, да ещё и самому давиться едой под тяжёлым взглядом князя.

– Вот! – удовлетворённо сказал тот, придирчиво выбрав и аппетитно вгрызшись зубами в крепкий, ядрёный огурчик. Свеженький, малосольный...

– Что, княже? – растерянно спросил Сувор.

– Хоть поел, лешак старый, – ухмыльнулся Лютень. – А то всё в трудах, в работе... Посоветоваться с тобой некогда.

– Посоветоваться... со мной? – растерянно переспросил Сувор. – О чём?

– Да хотя бы... вот! О Умиле и Ярославe, – с деланным удивлением воззрился на него князь. – Скажи ещё, ты ничего не ведаешь. Ты, Сувор!

– Княже... – растерянно пробормотал Сувор. – Да нет там ничего! Старый Сувор не соврёт, ты ведаешь... Ярослав верен тебе и знает своё место! Что?!

Лютень так кисло смотрел на него, словно вместо огурца съел неспелую сливу.

– Сувор... Да кто тебе сказал, что я – против?! Ярослав отличный сотник, через год-два тысячником станет... если доживёт при его-то характере. Тысячник дружинный для младшей княжны – партия достойная. А потом и вовсе воеводой станет. Сувор!

– Княже, так я разве против? – хитро усмехнулся дворский. – Сестра твоя... Она – против! Не ведаю уж, что у неё на сердце, а Ярославу даже взгляд не дарит.

– Вот! – поднял палец князь. – И я о том. Бабы хитрость страшнее военной. И разрушительнее! Если б она Ярославу улыбалась или хотя бы смотрела в его сторону, тогда всё было бы понятно. Но она ж его старается не замечать. На последней охоте приставил охранять, за всю дорогу словом не перемолвилась... Мне донесли! О чём это говорит?

– О чём? – тупо переспросил дворский.

– Постарел ты, Сувор, – с сожалением в голосе вздохнул князь. – Это о том говорит, что она боится. Своей любви. Любви Ярослава. Вот ты, Сувор, и должен узнать её истинные мысли. Ибо девке уже семнадцать вёсен, самое время Ладе¹ в ножки поклониться! Тебе объяснять, что нужно делать?..

Сувор растерянно почесал бритую по воинскому обычаю голову, с которой одиноко и потерянно свисал оседлец...

– Да нет, не надо, – тихо сказал он. – Постараюсь, княже.

Тут, очень кстати, внутрь влетел дружинник. Весёлый и довольный собой:

– Княже, вестник из Холмграда!..

2. Сотник Ярослав. Холмград. Седьмой день месяца Липеца.

Ярослав был счастливым человеком. По крайней мере, считал себя таким. Его ценил и даже любил князь. К нему по-доброму, без чёрной зависти к быстрому возвышению относились в дружине. Ну, и девки любили. А ещё Род наделил умением сочинять кошуны... Один из них, сопя носом и нахмутив с старанием лоб, сотник тщательно выдавливал на бересте сейчас. Слова шли легко и повесть о князе Громе, о том, как он порушил два торингских легиона вместе с их комесом выходила из-под железного стила. Правда, рассказать её князю не получится. Сам Лютень, конечно, почитал великого предка. Но... Имя Грома вот уже шесть десятков лет было под запретом. С тех пор, как он своим честолюбием поставил под угрозу гибели весь род. Да что там род, всю Гардарию.

Да мало ли, что где запрещено...

Для Ярослава, как и для множества других воинов рода Медведя, это имя всё равно было самым славным. Пусть даже никто так больше не называл мальчишек...

– Ярослав! – десятник Ярослав, друг и побратим сотника, скатился со смотровой башни и преданным взором серых глаз упёрся через плечо приятеля – в бересту.

Выплывая из мира грёз и букв – медленно и неохотно, Ярослав мрачно спросил:

– Ну?

– Караван! Три скалоги² торингских. Поприще³, не больше осталось пройти!

Хлопотная ты, служба в гавани. Нет человеку ни часа покоя!.. Свернув бересту в трубочку и завязав поверх нитью, Ярослав упрятал недосочинённый кошун за пояс и, подхватив от стены секиру, неспешно поднялся. И тесно стало в невеликой каморке старшего дозора, не повернуться, ибо велик был сотник телом, крепок, и тем славился в дружине.

– Пошли, – со вздохом сказал. – Посмотрим, что надо... Ты за гостинником⁴ послал?

– А то, – ухмыльнулся Ярослав, круглым животиком вперёд выкатываясь прочь из каморки. – Я князю не нанимался – мыт с иноземцев взимать!

– Надо будет, станешь, – возразил Ярослав.

Спустились по лесенке, переругиваясь, прошли по пристани... Вот он, проход между двумя огромными боевыми башнями. Вот и лодка – небольшая, вёрткая ладья– ушкуй, там – десяток гребцов, заспанный толстяк– гостинник и местный кормщик. Ему вести чужие корабли через узкий проход.

2 скалога – Боевая галера торингского флота

3 поприще – Четыре километра. Расстояние, которое человек не напрягаясь проходит за час

4 гостинник – таможенный чиновник, ведавший в Гардарике сбором мыта с иностранцев.

– Пошли, – прыгая в ладью так, что вода плеснула через борт, велел Ярослав. – Ярослав, не отставай!

Яросвет, в пику сотнику, сполз в ладью по верёвочной лестнице, смешно оттопырив зад и кряхтя, словно старик. Хотя был на год моложе сотника.

– Ярослав! – судя по голосу Ярослав, уже начинал закипать. – Прекрати!

– Я – не ты, – пропыхтел тот, устраиваясь по обычаю у кормила. – Я эту утлую ладью враз на дно отправлю. И дыру, которую пробью, твоим задом не прикрыть будет! Если только Тиллу попросить...

– Помолчи, – зябко передёрнув плечами, одёрнул Ярослав. – У меня по сию пору от её пирога изжога!

– А мне понравился! – для большей убедительности погладив своё брюхо, похвалил Ярослав. – С клюквой и сметаной... Пальчики оближешь!

– Договорились, – немедленно ответил сотник. – Следующий будешь есть целиком.

Так, препираясь и развлекая дружинников, прошли весь путь до галер. Те замерли на рейде – огромные, могучие и непобедимые. Борта, впрочем, кое-где подштопаны досками. Видать, недавно в бою были – доски ещё светлые, выделяющиеся на фоне остальных...

– А я думал, торинги весь флот потеряли, – пробормотал Ярослав. – Ну, когда норлингов держали!

– Видишь ведь – не весь, – возразил Ярослав. – А может, это со Срединного моря. Там ведь портов не осталось...

– Эй, на борту! – рывкнул гостинник Пушта, сложив руки лодочкой и надсаживая голос. – Принимайте!

– Табань, – махнул рукой Ярослав. – И смотрите, борт не поцарапайте!

Гостинник по обычаю первым вскарабкался на борт передовой галеры и пропал там. Пошёл, видать, к кормщику на разговор. Следом собрался кормщик холмградский. Ему эту галеру вести, так лучше осмотреться допрежь...

– «Святой Крест», – по слогам прочитал торингское название Ярослав. – Громкое название!

– И корабль немаленький, – поддержал его кто-то из дружинников. Кажется, Ждан.

Ярослав, пока его воины переговаривались вполголоса, устроился у мачты, под фонарём и снова принялся писать полные восторга слова. Про князя Грома, великого и могучего, славного... и проклятого.

– Слышь, сотник! – оторвал его тот же Ждан. – А правда, что Тилла тебя один раз на лопатки уложила?

– Правда! – за приятеля ответил Ярослав. – Я лично видел... Я и сам бы лёг, если б меня такими титьками давили! Чтобы и всё остальное почуять. Почуял, Ярослав?

Ярослав до ответа не снизошёл, сочтя себя выше этого и сделав вид, что задумался над следующей строкой.

– Сотник, так каково? – это уже кто-то другой, не Ждан встрял. – Мягко поди?

– Твёрдо, – нехотя ответил Ярослав. – Она меня так о землю приложила, что мне не до статей её было. В ушах звенело, хребтина болела... Не до того было, говорю ж!

– Га– га– га! – как жеребцы заржали воины. Даже с борта галеры свесились – узнать, что случилось.

– Так ты поддался или нет? – пристал Ярослав. – Нет, мне-то ты говорил, что поддался!

– А ты сам попробуй, узнаешь! – огрызнулся Ярослав. – Отстань!

Как же! От дальнейших шуточек его спас только гостинник, спустившийся с корабля и велевший грести к следующему. Был он сильно удивлён и поведал, что груза почти что и нет. Корабли, обладавшие, к мощному вооружению, ещё и вместительными трюмами, шли налегке, почти пустые. Странно это...

То же самое оказалось и на других галерах – почти пустые трюмы, уклончивые ответы моряков... Полные боевые экипажи.

– Странно это, – бормотал всю дорогу Пушта, щипая себя за выбритую на торингский манер губу. – Странно... Ну, война у вас там – хорошо. Так ведь оружие нужно! Коня опять же! Люди – наёмники... Почему же ничего на продажу не везут? Кому там сейчас их вина и горшки потребны?! Странно...

Его удивление вызывало ухмылки воинов, но дальше ухмылок дело не шло. Слишком устали, нагреблись досыта и лишь мечтали теперь поскорее добраться до небольшой, но уютной молодежной, где спят сейчас их товарищи...

Уже когда подходили к пристани, Ярослав, по прежнему сидевший на кормиле, заржал в голос:

– Ярослав, любимец ты наш Лады! К тебе!

Ярослав коротко обернулся через плечо, на миг выпав из ритма гребли и тихо, безнадежно выругался. На пристани стояла, издалека видная благодаря своей не мелкой фигуре Тилла, дочь воеводы Тверда. У ног остроглазый Ждан различил лукошко...

– Пирог, поди, принесла! – радостно возвестил Ярослав на всю гавань. – Вот если бы с клюквой!

Ярослав застонал и чуть за борт не бросился:

– Лель⁵ это, не Лада творит!

– Пусть Лель, – не стал спорить Ярослав. – Зато какова любовь! Мне бы так!

3. Ярослав и Тилла. Холмградская гавань. Седьмой день месяца Липеца.

Ушкуй ударился бортом о причал и дружинники, уставшие и хотя бы потому шумные, полезли на берег. Ярослав не торопился. Устало привалившись к мачте, он закрыл глаза и так сидел до тех пор, пока Ярослав, голос которого был полон неприкрытой издевки, не призвал воинов не мешать сотнику... отдыхать! А потом ладея заметно покачнулась, доска в днище скрипнула...

— Ярослав, — голос у Тиллы был грудной, для другого, пожалуй, и красивый. У него вызывал только раздражение. — Ярослав, ты не рад мне?

— Здравствуй, Тилла, — неласково сказал сотник, раскрывая глаза и с нескрываемым недовольством глядя на неё. — Нет, ну что ты. Устал просто.

— Ты, и устал? — рассмеялась девушка, высоко задирая курносый нос и показывая два ряда белых крепких зубов. — Не верю! Витязи не устают.

Когда она смеялась, грудь её, втугую натянувшая дублёную чугу, колыхалась в такт дыханию и сотник, хоть и не впервой это видел, зачарованно смотрел на это движение. Словно ждал, что чуга треснет под таким напором и грудь обнажится...

— Ты не любишь меня, — тихо сказала девушка, садясь на скамью подле него и ставя в ногах корзинку со снедью. — Ну прости, я не хрупкая и нежная, я такая какая есть. Трудно у отца-воеводы, при трёх братьях, с младости бредящих подвигами, вырасти тихой и нежной рукодельницей. Как Умила. Да, веретену я предпочитаю сулицу а спицам — меч! Но разве плохо вяжу? Ты ведь сам носишь рубаху, моей рукой вышитую. И того не стесняешься. Разве нет?

— Так добрая рубаха, — пожал плечами смущённый Ярослав. — Отчего ж не носить?

— Вот! — жарким полушёпотом поддержала его Тилла, подсаживаясь ближе. Ярослава даже через кольчугу обжёг жар её крепкого тела.

— Тилла, — трудно сказал он, вставая. — Тилла, я на службе! Ты ж сама — дочь воеводы, понимать должна. На службе я, мне следить за порядком положено!

Тилла, похоже, поняла это по своему... правильно поняла.

— Ты меня брезгуешь, — спокойно сказала девушка, вставая так резко, что ушкуй опасно качнулся. — Что ж...

— Тилла! — Ярослав побоялся вскочить и удерживать её пришлось за подол расписной понёвы. — Тилла, не говори глупости! Я вовсе даже...

Он запнулся, не договорил. Девушка, стоявшая с задранной к звёздному небу лицом, чего-то явно ждавшая, резко рванулась из его рук. Гашник, поддерживавший понёву, треснул, не выдержав напора...

— Докажи! — внезапно потребовала Тилла.

Ну как ещё можно доказать девушке своё хорошее отношение?! Ярослав неловко привлёк её к себе... И дальше время надолго потеряло для них смысл. И ведь не сказать, что не понравилось, хотя после, уже откинувшись на днище и тяжело выдыхая раскалённый воздух из лёгких, он ощутил себя редкостным скотиной.